

THE MAIN DIRECTIONS OF LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF PROCEDURAL RESPONSIBILITY

© 2015

E.V. Chuklova, PhD (Law), associate professor, assistant professor of chair "Entrepreneur and Labor Law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The article considers the basic directions of realization of legal policy in the sphere of procedural responsibility, identifies the importance of their formation as the basis of struggle against negative phenomena in the sphere of the legal process.

Keywords: procedural responsibility, legal policy, procedural violation, the legal process.

УДК 343.98

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2015

Т.В. Шутимова, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Аннотация: Рассматривается содержание уголовной политики, исследуются вопросы криминалистической политики как самостоятельной политики и как части уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика, криминалистическая политика.

Правовая политика представляет собой целенаправленную планомерную деятельность государства в сфере правового регулирования социальных отношений, сущность которой заключается в выработке и практической реализации правовых идей и целей стратегического характера [1, с. 5]. Государство реализует правовую политику в правотворчестве, правоприменении и развитии правовой культуры.

Характеризуя взаимосвязь правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной политики, А.В. Малько отмечает, что общие ориентиры исходят от правотворческой политики, правоприменительная политика, являясь самостоятельной, в то же время выступает как бы «продолжением» правотворческой, а правоинтерпретационная политика, во многом будучи зависимой от правоприменительной политики, является «относительно самостоятельной формой реализации правовой политики, тем необходимым «каналом», с помощью которого субъекты могут как корректировать общий курс правотворческой политики, так и обеспечить осуществление правоприменительной политики» [2, с. 11–12].

Правоприменительная деятельность, указывает далее А.В. Малько, закладывается уже на уровне правотворческой, когда создаются ориентиры для всего механизма правового регулирования, как для принятия, так и для реализации юридических норм. Самостоятельность правоприменительной политики выражается в призвании «собрать в систему» имеющиеся разрозненные средства и элементы правоприменительной деятельности, организуя правоприменительный процесс, ориентируя его на достижение определенных целей [2, с. 12].

Частью правовой политики является уголовная политика, единства в определении и содержании которой пока не достигнуто. Так, А.А. Матвеева считает, что уголовная политика ничем не отличается от политики уголовно-правовой, причем уголовная политика не включает в себя политику уголовно-процессуальную или уголовно-исполнительную. Политика уголовная (уголовно-правовая), уголовно-исполнительная и криминологическая, по ее мнению, являются составными частями государственной политики по борьбе с преступностью, объединяющей в себе не только правовые, но и социальные, экономические и иные меры, направленные на противодействие и предупреждение преступности, ее сокращение, в том числе наиболее опасных ее проявлений, преодоление ее негативных тенденций, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и действенности законодательных и других нормативных актов [3, с. 178]. По мнению Е.П. Ищенко, уголовная политика состоит из уголовно-правовой, уго-

ловно-процессуальной, уголовно-исполнительной политики, выступает как важное направление правовой политики и определяет интеграцию и тактику воздействия на преступность такими средствами, как уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право. Также уголовная политика включает обеспечивающую их практическую реализацию криминалистику [4, с. 255].

Исследуя объем и содержание уголовной политики, Г.Ю. Лесников выделил две точки зрения на ее понимание: первая была сформулирована А.А. Герцензоном, считавшим, что изучаемым понятием охватывается все, что прямо или косвенно направлено на борьбу с преступностью, т. е. он включал в сферу уголовной политики не только специальные меры (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, исправительно-трудовые, криминалистические), но и меры чисто социального характера (экономические, идеологические, медицинские и т. д.). Сторонники другой точки зрения (С.В. Бородин, А.Э. Жалинский, Н.И. Загородников, И.А. Исмаилов, Н.И. Стручков) считают, что только специальные меры социального предупреждения преступности, которые основываются на уголовном, уголовно-процессуальном и исправительно-трудовом законодательстве с привлечением данных науки, включая криминологию и криминалистику, составляют это понятие [5, с. 26].

Г.Ю. Лесников полагает, что современная уголовная политика существенно шире по содержанию, чем уголовно-правовая. По отношению к уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслям права уголовная политика выполняет методологическую роль. Имея полинормативную основу и будучи частью внутрисударственной политики, она должна строиться и осуществляться на основе политических директив, норм права, морали (нравственности), религиозных норм, обычаев, а также корпоративных норм. Определяющими именно для российской уголовной политики должны быть базовые нормативные ценности, включающие российские традиции, обычаи, нормы морали, религии. В этом залог ее национальной адаптации и, как следствие, – эффективности [6, с. 73].

В свете исследования интерес представляет проект Концепции уголовно-правовой политики в Российской Федерации, представленный Общественной палатой при Президенте РФ, который определяет уголовно-правовую политику Российской Федерации как одно из направлений реализации государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности, базирующееся на признании фундаментальной взаимосвязи и взаимозави-

симости ее основных положений с социальной политикой государства, а также с политикой в области профилактики преступности, защиты и поддержки потерпевших от преступлений, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание [7]. Поддерживая проект Концепции, В.А. Авдеев, О.А. Авдеева оценивают уголовно-правовую политику как системообразующий элемент правовой политики государства, направленный на достижение стратегической цели – формирование нормативно-правовой основы, обеспечивающей надлежащую охрану законных прав личности, общества и государства от преступных посягательств и решение задач, связанных с реализацией мер по уменьшению и устранению преступности [8, с. 21]. В.Ю. Сокол указывает, что уголовная политика представляет собой целостную систему, состоящую из взаимосвязанных, но вместе с тем относительно самостоятельных подсистем (элементов), к числу которых относятся уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, пенитенциарная, оперативно-розыскная, криминологическая и криминалистическая политика [9, с. 299–308]. Это лишь малая толика мнений об уголовной политике, однако изложенное позволяет утверждать, что уголовная политика рассматривается авторами в преузком смысле слова (касается деятельности только в отношении уголовного закона), в узком смысле слова (состоит из совокупной деятельности по всем специальным направлениям) и в широком смысле слова (к специальным направлениям добавляются различного рода социальные направления: экономические, идеологические, религиозные, культурные и т. д.).

Остановимся на понимании уголовной политики в узком смысле слова и обратим внимание на ее составляющие. Вопрос о существовании самостоятельной криминалистической политики является дискуссионным. Анализируя эту проблематику, В.Ю. Сокол, в первых, пишет, что в современной литературе имеются лишь отдельные ссылки на факт существования криминалистической политики (Е.П. Ищенко, М.П. Журавлев, А.Б. Мельниченко, А.П. Кузнецов, П.Н. Панченко, В.В. Сверчков, В.Ф. Цепелев и др.), а также крайне немногочисленные ее определения (Э.Н. Попченкова, В.А. Кузнецова, Н.Л. Уланова), во-вторых, пытается выявить причины создавшегося положения. К таковым он относит:

– решение в советское время вопросов, которые можно было бы отнести к сфере криминалистической политики, в рамках уголовно-процессуальной политики, отражавшей единую государственную идеологию, стратегию и тактику борьбы с преступностью в сфере уголовного судопроизводства;

– самоустраненность криминалистов от всестороннего исследования криминалистического аспекта понятия «борьба с преступностью» и его соотношения с понятием «уголовная политика» с указанием на необходимость научных методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;

– специфика криминалистической политики в том, что она связана, главным образом, с правоприменительной практикой, а не с законотворчеством [10, с. 201–202].

Мы разделяем позицию В.Ю. Сокола о настоятельном требовании теоретической проработки вопросов о сущности и содержании криминалистической политики, ее взаимосвязей с другими элементами (подсистемами) уголовной политики, стратегий ее реализации в современной России, об актуальности призыва Е.П. Ищенко «посмотреть на современную уголовную политику глазами криминалиста» [10, с. 202].

В основе уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики лежат соответствующие отрасли права. Взаимосвязь и взаимовлияние уголовного права, уголовно-процессуального права и криминалистики не вызы-

вали и не вызывают сомнения. Однако в современный период, как верно определил В.Ю. Сокол, имеет место противоречие между установлением формальной истины в современном уголовном процессе и традиционным принципом отечественной криминалистики, ориентированной на установление материальной истины в уголовном судопроизводстве, а это ведет к противоречию между существующими возможностями поисково-познавательной (криминалистической) деятельности и формами ее уголовно-процессуальной регламентации, что требует их согласования [10, с. 201].

Убедительным примером взаимовлияния являются изменения УПК РФ, касающиеся требований к содержанию обвинительного заключения, соответственно, повлекших изменения в тактике его составления. В момент вступления Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в законную силу (01.07.2002), в ст. 220 УПК РФ, определявшей структуру обвинительного заключения, говорилось только о перечне доказательств, подтверждавших обвинение (п. 5 ч. 1). Решение не приводить в обвинительном заключении подробный анализ доказательств было принято, как говорится в разъяснениях к УПК РФ, данных авторским коллективом под руководством проф. Е.Б. Мизулиной, возглавлявшей рабочую группу по подготовке УПК РФ, для реального осуществления принципа состязательности в уголовном судопроизводстве [11, с. 93]. Однако сначала Президиум Верховного Суда РФ в постановлении от 18.06.2003 № 169 п3пр по уголовному делу в отношении Е.С. Ашировой (через год действия УПК РФ), а затем и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (почти через 2 года действия УПК РФ) определили, что в обвинительном заключении (обвинительном акте) необходимо излагать краткое содержание перечисленных в нем доказательств [12, с. 339]. Требование указывать в обвинительном заключении краткое изложение доказательств содержится в новой редакции ст. 220 УПК РФ с 2010 года (ФЗ РФ от 09.03.2010 № 19-ФЗ), т. е. УПК РФ практически вернулось к положениям УПК РСФСР, а значит, произошел возврат к способам и формам составления обвинительного заключения, известным тому времени.

Тактика любого следственного действия включает в себя фиксацию ее хода и результатов в протоколе. Введенные с 01.07.2002 бланки процессуальных документов, сначала как Приложение к УПК РФ, а затем как «Часть 6. Бланки процессуальных документов» УПК РФ (ФЗ РФ от 04.07.2003 № 92-ФЗ) подвергались критике [13; 14] и были отменены ФЗ РФ от 05.06.2007 № 87-ФЗ (через пять лет после вступления УПК РФ в силу). Из всей части 6 УПК РФ осталась лишь ч. 2 ст. 474, в которой говорится только о способе выполнения процессуального документа: «Процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом. В случае отсутствия бланков процессуальных документов, выполненных типографским, электронным или иным способом, они могут быть написаны от руки», т. е. до сих пор нет требований к структуре бланка процессуального документа, о соответствии этой структуры основаниям и порядку проведения и принятия процессуальных решений, установленных в УПК РФ.

Мы считаем невозможным эффективное противодействие преступности, применение норм уголовно-правового воздействия к совершившим преступления лицам без использования современных средств криминалистики, в том числе, в рассмотрении судами уголовных дел. Так, УПК РФ не регламентирует возможность встречи-беседы государственного обвинителя в процессе подготовки к судебному разбирательству со свидетелями обвинения или потерпевшим, хотя необходимость такой встречи вполне может возникнуть в целях получения

дополнительной значимой для поддержания обвинения информации. Во избежание неоправданной оценки такой встречи, как формы воздействия на свидетеля или потерпевшего, предлагается осуществлять такие встречи-беседы вне судебного заседания, не предоставлять материалы уголовного дела, обеспечить аудио- или видеозапись, использовать специальную памятку-вопросник.

Очень активно в настоящее время обсуждается возможность (необходимость) введения в Российский уголовный процесс новой процессуальной фигуры – следственного судьи [15–21]. Однако практика деятельности следственного судьи, например в Украине, неоднозначна. М.А. Михайлов, анализируя опыт работы следственных судей в Крыму по УПК Украины 2012 года, пишет, что «надежды на сокращение документооборота, сроков расследования уголовных производств, защиту потерпевших от необоснованных отказов в расследовании, а также подозреваемых и обвиняемых от произвола и нарушения прав человека, мягко говоря, не оправдались» [22].

Принцип неотвратимости юридической ответственности проявляется не только в регистрации и учете сообщений о преступлении, но и в активных действиях уполномоченных органов, направленных на обнаружение следов совершенного преступления, признаков преступления, в обязанности правоохранительных органов определить, виновен или не виновен тот или иной человек в совершении какого-либо правонарушения и должен ли он нести ответственность за убытки, взыскиваемые в судебном порядке [23, с. 66]. Общественная опасность деяния – это одно из оснований установления юридической ответственности за его совершение, а неизбежное установление юридической ответственности является предпосылкой для реализации других аспектов юридической ответственности [24, с. 328]. Но несовершенство уголовного закона неизбежно осложняет доказывание. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов совершенно справедливо указывали, что при формулировании запретов в УК уголовно-правовые разработки должны соотноситься с возможностями правоохранительной системы в преследовании тех или иных правонарушителей [25]. Уголовно-правовые запреты должны быть реально доказуемы, а это предполагает активное использование не только процессуальных, но и не противоречащих закону непроцессуальных форм реализации уголовной политики.

В связи с изложенным, полагаем, что формирование и реализация уголовной политики должны происходить, если не с учетом криминалистической политики, то с обязательным применением криминалистических возможностей правоприменительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2010. 50 с.
2. Малько А.В. Правовая политика – категория XXI века и ее роль в евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 8–12.
3. Матвеева А.А. Уголовная политика : понятие, содержание, методы и формы реализации // Уголовное право в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. М.: ЛексЭст, 2002. С. 177–181.
4. Ищенко Е.П. К вопросу о российской уголовной политике // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 254–256.
5. Лесников Г.Ю. К вопросу о понятии уголовной политики // Российский следователь. 2005. № 6. С. 25–29.
6. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 4. С. 73–76.
7. Концепция уголовно-правовой политики Рос-

сийской Федерации. URL: oprfr.ru/discussions/1389/newsitem/17889.

8. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 12–24.

9. Сокол В.Ю. Уголовная политика и криминалистика // Современные проблемы уголовной политики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Т. II. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2011.

10. Сокол В.Ю. Криминалистическая политика // Общество и право. 2012. № 5. С. 200–204.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в вопросах и ответах / отв. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Юрист, 2003. 112 с.

12. Коротков А.П., Тимофеев А.В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ. М.: Экзамен, 2005. 608 с.

13. Сопин В. Новый УПК. Факт очевидный: нужна серьезная доработка // Законность. 2002. № 10. С. 37–40.

14. Шутемова Т.В. Приложения к УПК РФ: догма или руководство к действию // Законность. 2002. № 10. С. 41–42.

15. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html.

16. Головкин Л.В. Следственный судья или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса?. URL: iuaj.net/node/1740.

17. Головкин Л.В. Институт следственного судьи: американизация путем манипуляции. URL: iuaj.net/node/1746.

18. Круглый стол «Возрождение института следственных судей в России: идеи и пути реализации». URL: iuaj.net/node/1735.

19. Смирнов А.В. Вокруг института следственных судей: манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной». URL: iuaj.net/node/1748.

20. Предложение ввести в уголовный процесс институт следственных судей вызвало бурную дискуссию на заседании НКС ФПА РФ. URL: iuaj.net/node/1749.

21. Генпрокуратура отвергла идею правозащитников о создании института следственных судей // Ведомости. 2015. 5 мая.

22. Михайлов М.А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. Алушта, 2015. URL: iuaj.net/node/1777.

23. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности. Тольятти: ТГУ, 2010. 174 с.

24. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.

25. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 46–50.

ON THE CRIMINALISTIC ASPECTS OF CRIMINAL POLICY

© 2015

T.V. Shutemova, Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Institute of Law
Samara State Economic University, Samara (Russia)

Abstract: The content of the criminal policy, explores questions of criminalistic policy as an independent policy and as part of a criminal policy.

Keywords: criminal policy, criminalistic policy.